

Глава 1

ЗЛЫЕ КНИГИ

За стенами яранги бушевала снежная буря. Стихия вновь и вновь бросала на приступ жилища свои ледяные орды, безуспешно пытаясь добраться до укрывшихся от непогоды существ.

Темноволосый мужчина поежился и еще плотнее укутался в волчью шкуру. Одежда и смуглая кожа выдавали в нем жителя юга, лишь прихотью судьбы оказавшегося в этом суровом северном краю.

— Надеюсь, буря не продлится долго, — обеспокоенно произнес он, пытаясь укрыться шкурой так, чтобы хоть немного сдержать непривычный ему холод.

— Это не буря, — ответило существо в центре яранги, — легкий ветерок.

Существо обладало весьма примечательной внешностью, лишь отдаленно напоминавшей человеческий облик. Под колкими глазами бледно-серого цвета находился внушительный клюв, усеянный рядом мелких, но острых зубов, пальцы были гораздо длиннее человеческих, однако существо умудрялось достаточно ловко управляться с большим совиным пером, что-то замысловато выписывая в толстой книге. Заслуживает интереса и способ беседы, потому как смуглый мог бы поклясться, что разговор идет на его родном языке, а сторонний наблюдатель, если бы такой вдруг оказался в яранге, был бы уверен, что странное существо и вовсе молчит, а гость болтает сам с собой.

— Алмаз моей души пугает несчастного торговца... —

притворно возмутился он, однако существо резко оборвало его:

— Не льсти мне.

— Прекрасная хозяйка сомневается в честности Абдула, и очень напрасно, ибо каждый, кто наполняет кошелек скромного торговца, для меня как прекрасный бриллиант среди песков пустыни.

— Все, что ты заработаешь на продаже этих книг, можешь брать себе, — существо отложило перо на минуту и пристально взглянуло в глаза торговцу, — меня волнует одно: книги должны попадать к нужным, а не богатым людям.

— Не ставьте под сомнение честность торговца Абдула из славного города Багдада, — южанин выглядел искренне обиженным, — я никогда не нарушаю условий сделки, которые меня устраивают. Из прошлой партии книг четыре я отдал простым крестьянкам, одной так вовсе за крынку молока. Еще одну — мельничихе, и тоже практически даром. Все они полностью подходили под описание, что было мне объявлено. И разве виноват скромный торговец в том, что шестой кандидатурой оказалась дочка правителя Белого королевства?

Карий глаз торговца озорно сверкнул из-под надвинутой на брови меховой шапки.

— Дочка короля... — задумчиво протянуло существо, — вокруг таких особ может оказаться и тот, кто поймет, что на самом деле означают эти книги. А впрочем, не важно, пускай.

— Торговец не станет задавать вопрос, который возникнет у любого человека после этих слов, — весело откликнулся Абдул, — еще мой отец говорил: чем меньше опасных знаний, тем крепче здоровый сон. Однако зачем делиться с простыми людьми тайными знаниями, не пытаясь извлечь выгоду, от моего понимания ускользает.

Существо снова отложило перо и посмотрело на своего собеседника.

— В этой книге собрано около двухсот ритуалов и заклинаний, — узловатый палец указал на фолиант с переплетом

из человеческой кожи, — как ты думаешь, сколько из них действительно работают?

— Великая Ягга¹ проверяет Абдула, — хитрая усмешка озарила темное лицо с ровной клиновидной бородой, — они все работают. Что не раз испытывали при моей скромной персоне сомневающиеся люди.

— Удивишься ли ты, узнав, что работают тут только шесть заклинаний и ритуалов?

Торговец действительно удивился.

— Но ведь неоднократно при мне проверяли любое заклинание, и всегда неизменно все работало, как и предначертано.

— Все так, все работает, как предначертано, — усмехнулась ягга, — хитрость именно в начертании.

Она поймала недоверчивый взгляд собеседника и пояснила:

— Вот смотри, заклинание вызова карающего огненного шара с небес. На самом деле волшебство такого сотворить не может: все, на что способна волшба, — это менять облик и воздействовать на разум. Нельзя с помощью даже самой сильной волшбы поднять с земли простой камень или заставить вспыхнуть огонь. Но людям это знать не обязательно, пусть верят в могущество колдунов и ведьм.

— А что, если кто-то захочет проверить при мне, — ужаснулся перспективе Абдул, — и оно не работает?

— Чтобы заклинание сработало, нужны три зернышка проса, паутина, молоко козы и глаз рубиновой саламандры. Есть у кого-нибудь глаз рубиновой саламандры?

— У крестьян нет, а вот у королевны какой-нибудь или купчихи может и оказаться, — с сомнением высказался южанин, — или ей доставят по приказу.

— Рубиновую саламандру я придумала в этой самой юрте, — поделилась ягга, — ни у кого нет и быть не может ее глаза.

— Хитро придумано, о прекрасный цветок этих северных краев, — восхитился Абдул.

¹ В сообществе ягг, где нет прямого государственного устройства, это скорее звание, чем должность, однако остальными яггами признается за Великой Яггой некое право принимать решения. — *Примеч. авт.*

— Или вот еще: творить ритуал надо при полной луне месяца Рукахагх.

— И месяц Рукахагх придуман в этой же юрте?

— Ты начал понимать суть, — снова усмехнулось существо, — возможно, теперь мне придется тебя убить.

— Не говори так даже в шутку, прекрасная звезда в безлунном небе, — возмущенно замахал руками Абдул, — скромный торговец не находит смешными шутки, связанные с его смертью!

— Не волнуйся, ты мне еще нужен, — успокоила его ягга, — моя предшественница, прежняя Великая Ягга, смогла распространить лишь двадцать книг за сотню лет. Я же с твоей помощью уже смогла отправить в мир восемнадцать фолиантов, и всего за три года.

— Книги, где подавляющее большинство ритуалов не могут быть выполнены, быстро наскучат людям. Я ничего не понимаю в колдовстве, но неплохо разбираюсь в людях.

— Поэтому я долго думала, какие рабочие заклинания вписать в книгу. Они должны дать возможность знахарке или ведьме постоянно зарабатывать, а взбалмошным девам — развлекаться. Превращение в черную кошку, избавление от плода, сглаз и конечно же избавление от сглаза, полет на метле... Ну и приворотное зелье как жемчужина этой коллекции.

— Приворотное зелье, — торговец даже поперхнулся, настолько он удивился, — я возил все это время в сумках рецепт работающего приворотного зелья?

— Кроме баловства, должно быть что-то реально ценное, иначе не получится ничего.

— Торговец, получивший возможность продавать работающее приворотное зелье, вскоре станет подобным царям, королям и падишахам! Да нет, гораздо богаче любого из них! О мой великолепный мираж в знойной пустыне, обучи Абдула этому рецепту, и клянусь — я куплю тебе твою цель, сколько бы золота она ни стоила.

— Того, что мне нужно, нельзя купить за золото, — вздохнула ягга, — за золото вообще нельзя купить ничего по-настоящему ценного.

— Я смогу нанять сотню торговцев, которые будут рас-

пространять твои книги, и сотня переписчиков станут ежедневно корпеть над переписью их.

— Умерь свой пыл, — остудила его ягга, — один из компонентов приворотного зелья — девичья невинность, причем не любая, а именно той девы, что будет чаровать избранника.

— Прощайте, мои воображаемые белые слоны и гарем прекрасных дев, — расстроился Абдул, — я не успел к вам привыкнуть в своих фантазиях, но буду очень скучать.

— Все, я закончила, на сегодня это последний. — Ягга, не слушая его, захлопнула фолиант.

— Торговец всегда рад услужить дорогому другу, — поклонился южанин, — Абдул раздаст их, согласуясь с вашими пожеланиями.

— Ты спросил, зачем давать реально работающие рецепты людям, — ягга посмотрела мимо торговца, куда-то вдаль, — все ради того, чтобы найти ту, кто сможет провести шестой рабочий ритуал, записанный в этой книге. Сотни лет мы ждали — и все бесполезно; это как искать иголку в стоге сена. Моя предшественница начала посылать книги в мир, но без контакта с людьми делать это тяжело. Знал бы ты, как мне было непросто убедить остальных пропускать тебя по нашей земле! Я сама только огромным усилием воли подавляю в себе чувство, что ты — пища. Остальным из моего народа это гораздо тяжелее, их удерживает только страх перед моим гневом. Я буду отправлять столько книг, сколько смогу, и все равно это поиск песчинки в пустыне. Все, что мы знаем, — это должна быть способная к деторождению женщина, единственная дочь своих родителей, но не единственный ребенок. Как видишь, таких слишком много, но нужна именно одна, и та самая. Нам просто должно повезти. Есть ли у тебя удача? Принеси мне удачу, торговец Абдул, и я щедро вознагражу тебя, обещаю. Я могу многое. И я могу дать тебе то, что другие не смогут: как тебе, к примеру, лишняя сотня лет жизни или бесконечная привлекательность в глазах любых женщин, которых ты пожелаешь?

— Абдул будет стараться, — вздохнул южанин, — остальное в руках богов и удачи. А на вопрос, есть ли у меня удача, я отвечу вопросом: много ли людей спокойно заходили, и не

раз, на землю ягт и выходили отсюда живыми и довольными?

— Ты первый, — усмехнулась Великая Ягга, — не считая богатырей, которые несколько раз уходили живыми.

Глава 2 МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ РАЗ

Степан проснулся внезапно, как это часто случается с бывальными людьми, привыкшими к возможной опасности. Это только со стороны может показаться, что купцу на ладье мало что угрожает; корабль даже в море всегда подвергается опасности. Сколько раз бывало, что разбойники или варяги пытались подобраться к судну ночью, чтобы перебить спящую команду и завладеть товаром! Новгородские купцы спали чутко, жизнь научила. Степан огляделся по сторонам: Садко спокойно дремал рядом, кругом была тишина.

— Спокойно, — успокоил сам себя корабель, — ты не в море, ты в тереме морского царя, что тут может случиться...

Степан не любил бывать в морском царстве, еще с того самого первого раза. Тогда Садко еще был мало кому известным, начинающим купцом, а он, Степан, его корабелом, да и всей командой тоже. То, на чем они тогда возили товар, даже ладьей назвать было нельзя, по сути это была просто большая лодка, только с парусом. На безопасных торговых путях заработать было невозможно: слишком много желающих. Начинающему купцу пробиться можно было только одним способом — рисковать. Садко был рискованный. Не безрассудно глупый, а правильно рискованный, смелый. Скопив весьма скромную сумму, он заказал Степану лодку и закупил товар: три десятка соболиных шкур. Продать такой товар с выгодой можно было только в дальних странах, но для этого надо было либо в Китай идти, очень далеко, либо отправиться в Еуропы, сквозь кищащие варягами беспокойные воды. Погубила их задумку тогда как раз не варяжская опасность, а самая обычная буря, налетевшая на маленькое судно в третий день пути.

Вот тогда-то они впервые и увидели морское царство. Раньше Степану доводилось слышать про морского царя, но он представлял морских жителей чем-то вроде рыб или крабов. Оказалось, что обычные люди, только странные немного. И жили они вовсе не в воде, пристанищем царству послужила огромная пещера в скале под водой. Места в пещере было много, еды вокруг хватало, так и появилось здесь в незапамятные времена морское царство. Далекими предками морских людей, судя по всему, были такие же жертвы бурь, выжившие чудом в этих беспокойных водах. За века царство весьма разрослось, здесь не было хищников или врагов, еды кругом имелось в достатке, если вы, конечно, любите рыбу. Если не любите, а Степан рыбу не очень любил, то все равно придется есть именно ее, поскольку ничего другого все равно нет. Рыба, моллюски, крабы и водоросли — вот и весь выбор. Царство было не таким уж и большим: крупный город в центре подводной пещеры да несколько рыбацких поселений возле воды по краям.

Потерпевших кораблекрушение сразу отвели к морскому царю, людей в пещеру заносило нередко, какие-то подводные течения не обходили пещеру стороной, но обычно это были уже утопленники, живые встречались нечасто. После этого визита друзья навсегда разошлись в своих мнениях о морском царстве. Степан невзлюбил это место, темное, сырое и пахнущее рыбой, а вот Садко полюбил его всей душой. Именно тогда молодой купец и увидел ее, морскую царевну. Увидел — и пропал совсем, влюбился без памяти. Садко пришелся ко двору, его умение играть на гуслях и замечательный голос сразу сделали его знаменитым в небольшом царстве, а вот Степана определили в простые рыбаки. Садко, к его чести, друга не забывал: если и удавалось достать что-то отличающееся по вкусу от рыбы, сразу нес ему.

Вот только дни текли, а тягость положения давила все больше, даже Садко загрустил. Морской царевне сразу пришлось по сердцу красавец-купец, да еще так ловко перебирающий струны и душевно поющий. По сравнению с окружающими ее рыбоедами Садко казался удивительным чудом, но ее отец и слышать не хотел о том, чтобы его дочь связалась с наземником. Садко не унывал, не таким он был

человеком, его пытливый ум все время искал выход и нашел его подле Степана. Корабел как раз потрошил ненавистную рыбу, когда старый друг в очередной раз зашел его проведать. Они болтали о своей жизни невеселой, и вдруг Садко увидел рыбы пузыри, которые валялись вместе с прочей рыбьей трбухой. На неудачные попытки ушел целый месяц, но в итоге Садко сумел сделать воздушный мешок, в котором даже можно было дышать. Под покровом ночи друзья, нацепив воздушные мешки, выплыли наружу. Увидав над головой солнышко, друзья, обнявшись, плакали от счастья. В простой бочке они неделю качались на волнах; слава богам, море было спокойным, пока их не подобрала ладья новгородских купцов. Еще год ушел на то, чтобы снова скопить немного денег, Садко играл на гуслях и пел в трактирах и постоялых дворах, Степан делал новую лодку. Многие смеялись над купцом, когда тот закупил в качестве товара еду и семена, но смешки стихли, когда лодка вернулась полной золота и драгоценностей. С тех пор дела у Садко пошли в гору, да так, что только успевай богатства тратить. Торговать с вновь открытым морским царством пытались и другие, да только мало кто знал правильное место, да и спуск товара под воду представлялся делом непростым. Степан и Садко спускались в царство уже не одну сотню раз, вот и сейчас привезли очередную партию товара. Самому купцу уже давно не было надобности лично являться для обмена, но он никогда не упустил случая встретиться со своей зазнобой. К сожалению, ее отец запрета своего так и не отменил, только и оставалось, что печальными взглядами перебрасываться.

Что же подняло бывалого корабела среди ночи? В морском царстве не было войн и разбоя, вражды тоже не было. Никакой опасности тут быть не могло, но чувство тревоги Степана не покидало. В коридоре прогромыхали шаги, кто-то крикнул, послышался звук удара.

— Да что там происходит?

Садко тоже проснулся, рука шарилась в поисках оружия, но под воду купцы оружия с собой не брали, ни к чему оно здесь. Дверь распахнулась, на пороге стоял витязь в золотой чешуе. Железа в морском царстве не выплавляли, но ору-

жие сверху приносило течением нередко, небольшая дружина была и у морского царя. Обычные воины были одеты разнородно, в то, что приносило сверху, в основном это были варяжеские доспехи — грубые, но добротные и надежные. А вот царская стража была одета в доспехи из прочной как сталь чешуи волшебной рыбы. Этот же витязь сверкал чешуей, отдающей золотым светом. Садко слышал про особую, тайную дружину морского царства, но не встречался с ними ни разу.

— Следуйте за мной, — распорядился неожиданный гость.

— Что случилось?

— Сестра все объяснит, — не стал отвечать на вопрос купца необычный воин и направился прочь, жестом призывая следовать за собой.

Садко со Степаном вышли из спальни и тут же буквально споткнулись о тело в серебряной чешуе. Царский стражник! Страж лежал лицом вниз, под телом расплывалось пятно крови.

— Да что...

— Позже, — снова оборвал Садко витязь, — сестра объяснит.

Купцы шли по коридорам дворца, еще не раз встречая валявшиеся тела в серебряной чешуе. Два раза они проходили сквозь посты витязей в золотом, точной копии их провожаемого.

— Здесь, — распорядился витязь и открыл дверь, двое его братьев в золотых доспехах вытянулись по краям от нее. Степан сразу узнал тронный зал: именно сюда их привели в самый первый раз, для встречи с морским царем.

Новгородцы вошли внутрь, на полу и здесь лежали тела стражей в серебряных доспехах, по краям зала немым дозором стяли все те же витязи в золотом.

Сам царь сидел возле трона, причем вовсе не величественно: он был связан. Подле него стоял гигант в золотых доспехах. Этого новгородцы уже встречали, гигантом был богатырь Черномор. К Садко тут же кинулась морская царевна, обняв его крепко и поцеловав; царь только скривился, глядя на это.

— Что здесь творится? — только и смог вымолвить ошалевший купец.

— Молчи, ничего не говори, — оборвала его царевна, — я сама все сделала. Отец никогда не позволил бы нам быть вместе, никогда. Я все ради тебя сделаю.

— Ты что...

— Молчи, — снова оборвала его царевна, крепко обнимая и прижимаясь к телу Садко, — мои братья помогли, они меня любят, они не отказали. Теперь мы будем вместе. Всегда.

Степан думал, что его друг обрадуется, из своей безнадежной страсти тот не делал секрета, но даже его удивило, в каком гневе оказался его старый товарищ.

— Вот же глупая ты, — разъярился Садко, — совсем из ума выжила!

Царевна отпрянула в сторону, она явно ожидала других слов.

— Ты что, меня не любишь?

— Даже думать о таком не смей, — возмутился купец, — больше жизни люблю. Но как можно своего отца...

— Он никогда не позволил бы нам быть вместе.

— Позволил бы. Пусть не сразу, но он увидел бы нашу любовь и благословил бы нас.

— Никогда!

— Это же отец твой, он тебе только добра желает. Для отцов свойственно волноваться о своих дочерях. Все, что я делал, это лишь для того, чтобы показать ему, что я чего-то стою, вырасти в его глазах. А как теперь мне быть?

— Теперь это все уже не важно, — раздался гулкий бас Черномора, — дело уже сделано. Раз Марина тебя выбрала, тебе и быть новым царем. Все, что нужно сделать, — это убить старого царя.

Витязь в золотой чешуе сунул в руку купца меч.

— Давай, — распорядился Черномор, — не тяни.

— Совсем вы тут сдурели, — Садко в сердцах отбросил меч, — самое ценное, что может быть у человека, — это семья. Я подкидышем был, сиротой. С самого детства скитался: спал где придется, ел что подадут. И лишь о том мечтал только, что когда-нибудь будет и у меня семья. Большая се-

мья, чтобы вместе всем собираться, чтобы дружно жить, детей растить. Мне ведь ни слава не нужна, ни золото. Все это ерунда. Истинная ценность любого человека — это его родня. У вас же есть то, что ценнее всего на свете, а вы это богатство разбазариваете. Не доводилось вам быть одним на всем белом свете.

— Создадим, — снова кинулась к купцу царевна, — семью большую и крепкую. Все будет, как ты хочешь, как пожелаешь. Только одно препятствие и стоит между нашими мечтами и нами.

Садко в сердцах отшвырнул ногой меч подальше и уселся рядом со связанным царем.

— Не нужно мне такое счастье. Никакое это не счастье — отца той, которую любишь больше всего на свете, убить.

— Послушай меня, сынок, — снова подал голос Черномор, — ты уж прости, что я так тебя называю, но мне уже больше тысячи лет, так что простишь старика. Я самому Святогору ровесник. Вот перед тобой моя особая дружина, тридцать три богатыря. Понимаешь, что это значит?

— Чего тут непонятного, у князя Владимира семь богатырей было. Грозная сила. Еще трое — у Василисы, сестры его. В войске, которое на Кощя шло, было девять богатырей: все, кроме Кольвана. Грозная сила. А тут — тридцать три.

— Тридцать четыре, — поправил его Черномор, — меня забыл посчитать. Так вот: тесно нам тут стало под водой. Рыба эта вечная надоела до ужаса. Выведи нас на сушу.

— На суше все места заняты, — вырвалось у Степана.

— Любого сметем. Если будет надо, прорубим себе дорожку силой.

— Да что же вам не сидится-то у себя дома?

— Есть причина, — вздохнул Черномор, — пещеру эту заливают. Медленно, но верно вода поднимается все выше и выше. Не завтра, конечно, но лет через двести тут все затопит. У морского царства нет будущего.

— Это правда?

Садко повернулся к морскому царю.

— Правда. Только я войной на сушу не пойду. Есть и другой путь спасения: трудный, но есть.

— Какой путь?

— Не до этого сейчас, сам видишь.

— Давай, сынок, не тяни, — поторопил новгородца Черномор, — раз — и все. Жена-красавица, богатства несметные, царство какое захочешь...

— Нет.

— Ты меня не любишь, — заплакала царевна, — а я тебе верила...

— Люблю. Именно поэтому и не пойду никогда на то, чтобы с убийства твоего отца начать нашу жизнь вместе.

— Ладно, ладно, — царь поднялся на ноги, — убедили.

Степан с удивлением смотрел, как пленник легко снимает путы. Лежавшие кругом стражники в серебряной чешуе тоже начали подниматься, отряхиваясь. Витязи в золотом подавали им руки, помогая встать на ноги. Садко потрясенно вертел головой, осматривая неожиданно сменившуюся обстановку.

— Точно не предупредила его заранее? — Царь бросил подозрительный взгляд на дочь.

— Точно, — задыхаясь от восторга, произнесла та.

— Истинно так, — подтвердил Черномор, весело усмехаясь сквозь густую бороду, — я лично следил; да ты на него сам глянь.

Морской царь взглянул на Садко, который сидел совершенно ошарашенный с широко открытым ртом.

— Верю, — вздохнул он.

— Ну что, брат, возьмем в семью музыканта? — рассмеялся Черномор, его смех неожиданно оказался не раскатыстым, а очень легким и негромким.

— Да пусть женятся, — махнул рукой морской царь, — не люблю я наземников, это правда, но тут возражать не стану.

— Так вы что, разыграли все это, — глубоко выдохнул Садко, — это не взаправду?

— А ты думал, что легко будет? — буркнул морской царь. — Это сыновей у меня много, а дочь только одна. Любимая. Я еще твоей крови попою как отец невесты, ты не думай, что я тебя сразу полюбил. Это Черномора благодари, он все придумал.

— Благодарствую. — Садко поднялся и в пояс поклонился богатырю.

— Вот только про то, что вода поднимается, — это правда, — вздохнул Черномор.

— А что бы вы делали, если бы я убил царя? Рубанул бы мечом — и голова с плеч.

— Ты правда считаешь, что смог бы меня опередить? — снова рассмеялся Черномор.

— Да, раз вспомнили, — оживился морской царь, — есть у меня одна задумка. Пойдем, расскажу подробно. Слышал про такое существо, — чудо-юдо рыба-кит?

Глава 3 КОТ И СТУДИОЗУС

Илья Муромец и юноша-школяр сидели перед столом и заворуженно следили глазами за черным котом, который носился по столу из одного конца в другой и, возбужденно стуча хвостом, что-то бормотал, в своей малопонятной манере говорить не больше двух слов за фразу.

— Дурачье. — Кот явно сердился. — Дисфункция налицо. Функции нарушены. Изучение симптомов. Выработка рецепта. Такая последовательность.

Илья со школяром переглянулись.

— Ты вообще понимаешь, что он говорит?

— Слово «функция» греческое вроде бы, — неуверенно заявил школяр и задумался, — но я не помню, что оно означает.

— Кот, ты что, грек, что ли? — возмутился Илья. — Давай по-русски говори.

— Компенсация, — буркнул кот недовольно. — Выдающийся дух. Микроскопический разум.

— Мне кажется, — школяр неуверенно посмотрел на Илью, — что это похоже на оскорбление.

— Вот и мне так показалось, — бывший богатырь угрюмо и внушительно надвинулся на кота, — смотри, мой пернатый друг — в правилах жизни Ильи Муромца нет такого, что котов бить нельзя.

— Пернатый, — взъярился кот. — Кот грек. Говорит.

— Слово «пернатый» я где-то слышал, — оживился юноша, — кажется мне, что так называют тех, кто перловкой питается.

Кот взвыл и закрыл голову лапами.

— Не исключено, — солидно кивнул Илья, — я слышал, как князь Рогволд так своего ворона называл, мне слово понравилось, вот и решил его вставить.

— Ваша ученость, Илья, огорошила этого говорящего чудо-кота. — Юный студиозус восхищенно посмотрел на Илью.

— Ты ко мне не подлизывайся; давай спроси у него по-гречески, можно ли вернуть назад силу мою богатырскую, чего я тебя позвал-то.

— Ликтум эст... э-э-э... реддере... Откуда я знаю, как на латыни «сила богатырская», нет там такого понятия!

Кот быстро задергал задней лапой.

— Дергается, — обрадовался Илья, — значит, понял. Видишь, как оно, языки-то знать. А я все никак. Говорят, нет к языкам таланта.

— Вернуть нельзя, — взвился кот снова. — Потерять нельзя.

— Снова по-нашему заговорил, — обрадовался Илья, — может, он и не грек вовсе. Может, он наш, русский кот. Просто ушибли ему голову чем-то. Я такое видел, и не раз.

— КОТ КОНГИНЕАЛЕН! — взъярился кот обиженно. — ВЫСОЧАЙШИЙ ИНТЕЛЛЕКТ!

— Опять по-басурмански начал... — расстроился Илья.

— Может, его стукнуть? — услужливо предложил студиозус. — Несильно, конечно.

— Нельзя, я несильно не умею, — оборвал его Илья, который при этих словах расстроился и весь поник, — хотя нет: теперь я как раз сильно и не умею.

— Первопричина. Нужна. Источник.

— Про источник силы богатырской хочет узнать... не лазутчик ли он иноземный?

— Вздор. — Кот возмущенно вздыбил шерсть. — Никто. Не знает. Источник.

— Ну почему же никто не знает, — удивился Илья, — Святогор знает.

— Знает? Святогор? — Глаза у кота увеличились. — Невозможно. Не изучено. Теория.

— Святогор — он много знает, — солидно ответил Илья, — он и есть на Руси первый богатырь, до него никого не было. Он меня всему и учил в свое время, да и многих других богатырей.

— Источник, — произнес кот восхищенно, он забегал вокруг Ильи, не в силах скрыть энтузиазма. — Идти надо. Разгадка близко.

— Вообще, пернатый, мысль не самая плохая, — задумчиво произнес Илья, словно обкатывая в голове эту думку, как море обкатывает гальку, — Святогор на Владимира что-то осерчавший был. Но сейчас-то я не в войске его, да и сам Владимир уже не среди живых. И то правда: надо идти к Святогору за советом; если кто и поможет, так он.

— Что-то этот зверь слишком радостный, — указал на беснующегося кота школяр, — чует сердце мое — лазутчик это враждебной державы.

— Святогор лазутчика мигом учует, уж его не проведешь.

— Не лазутчик. Ученый. Исследователь. — Кот радостно бегал вокруг Ильи, беспокойно стуча по полу хвостом.

— Может, и правда стукнуть слегка?.. — задумчиво протянул Илья.

Глава 4 **СТРАННЫЙ СОЮЗ**

Федор беспокойно поежился: он чувствовал себя неудобно, сидя за одним столом с Кощеем, которого за столько лет привык ненавидеть. Он понимал, что Дмитрий испытывает те же чувства. Если бы они своими глазами не видели нетронутые деревни и местные берендеи в один голос не подтверждали бы, что Кощей им зла никакого не чинил, они бы все не пошли на эти переговоры. Однако этот странный посланник еще более странного Китежа, Ратибор, все же сумел уговорить берендеев. Печально было признавать, но

слова Кощея о том, что подмога не придет, все больше походили на правду. Шли месяцы, а войско Тридевятого царства не являлось. И вместо того чтобы стать ловушкой, в которую должен попасть Кощей со своей армией нежити, в ловушке оказались сами берендеи. Да, замок был неприступен, однако и сами они вырваться из него не могли. Все подземные и тайные ходы из замка Кощею были отлично известны, что он и продемонстрировал сразу, перекрыв их. А перед главным выходом из замка на подвесной мост упыри демонстративно вырыли огромный котлован, и теперь вырваться отсюда конными было невозможно. Воины могли перелезть тайно через стены, но лишь бросив здесь коней.

Берендеи, с помощью местных селян, натаскали в замок запасов, и люди могли держаться в замке хоть целый год, а то и больше. А вот с лошадьми все было не так просто. В случае осады лошадей можно было съесть, но для воина-берендея конь — не просто животное, а соратник и боевой товарищ. Да к тому же кони в войске были просто загляденье: сильные, резвые и ухоженные. Именно понимание того, что кони осаду не перенесут, и побудило осажденных принять предложение о переговорах. Очень многие все равно высказывались против любых переговоров с Кощеем, готовые принести в жертву борьбе даже коней, но таких оказалось меньшинство.

Кощей сидел с очень недовольным видом, было понятно, что он тоже не в восторге от этого общения, и это немного согревало душу. Веселым и жизнерадостным был только Ратибор, он сидел между Дмитрием, царем Берендеем Седьмым, и Кощеем, пытаясь их примирить. Примирение шло медленно: слишком много обид было, и очень уж долго они копились.

— Чего нам делить, — он решительно гнул свою линию, — сама судьба уготовала нам участь быть союзниками. Кощею не нужно царство, всем нам нужна сильная Русь и возрождение сильного, процветающего и богатого царства берендеев. Протянем же друг другу руки и станем отныне друзьями, забыв былые обиды.

— Я уже протягивал им руку, и не раз, и каждый раз по-

лучал в ответ только плевки в мою сторону, — буркнул недовольный Кощей.

— Вурдалаков своих целуй, — буркнул в ответ Федор, — нечисть лучшего отношения и не заслуживает.

— Эти вурдалаки сдержали набег степняков, вы могли бы быть благодарными им за то, что ваши земли сохранили.

— Сохранил и взял их себе...

— Да нужны они мне, — разъярился Кощей, — я бы вам их вернул в целостности и сохранности! Только вы даже не пытались поговорить, сразу войной пошли.

— Вся Русь пошла войной на упырей твоих, и нам в стороне негоже было оставаться: тьфу, нечисть.

Кощей и Федор вскочили со своих мест, Ратибор тут же встал между ними, пытаясь успокоить.

— Друзья, давайте тише, успокойтесь, прошу вас.

— Мы пока еще не друзья, и станем ли ими — еще вопрос, — спокойно произнес Дмитрий; он не терял самообладания, а спокойно сидел, как и положено уважающему себя правителю.

— Хорошо, — легко согласился Ратибор, но прошу вначале выслушать меня, а уж потом решать, станем мы друзьями или нет.

Федор с Кощеем сели и демонстративно не смотрели друг на друга, обстановка за столом была напряженная, и недоверие витало в воздухе. Причем договаривающихся сторон было три, и никто не верил никому. Ратибор снова сел, радушно улыбнулся и начал свой рассказ:

— Началось все еще во времена царя Дабога. Хоть народ наш и помнит те времена как счастливую пору, но это была заслуга царей предыдущих, и в первую очередь — царя Ивана, батюшки приснопамятного Дабога. Его правление оказалось настолько тяжелым и неудачным, что возроптали почти все князья и бояре. Еще немного — и смута бы началась, но тут царь Дабог погиб, уйдя сражаться с морским царем. На престол взошел царь Василий. Царя Василия в народе не любят, однако это отношение несправедливо. Он что мог, то делал, выправлял все перекосы, отдавал долги, что накопили при Дабоге. И все было бы нормально, если бы именно в этот момент не пришли набегом войска Туга-

рина. Дабог был плохим царем, но он умел побеждать, Василий был хорошим и справедливым царем, но силы оказались не равны. Да и ратного искусства он не понимал. И вот в этот момент появился Финист — Ясный Сокол. Он действительно был Ясным Соколом: яркий и сильный, умный и проницательный, он буквально влюблял в себя всех, с кем сталкивался на жизненном пути. Тогда-то и родился заговор среди князей и бояр, что и так были недовольны царской династией, поменять царя Василия на Финиста — Ясного Сокола.

— Что за вздор, — буркнул Федор, — Финист был герой из героев, молодец из молодцов — какой он заговорщик?

— Мы не знаем точно, участвовал ли в заговоре сам Финист, — развел руками Ратибор, — но заговорщиками были почти все. Вы тогда в своем царстве Берендеевом этого не видели, а на Руси брожение большое было. Тогда-то заговорщики и убили царя Василия и все его семейство, а свалили на степняков.

— Степняки и убили, — недоверчиво проворчал Федор.

— Василия убили по дороге из Киева в Галич, степняков в тех краях тогда уже не было. И без князей Галицких не обошлось дело.

— Залетный отряд и убил, — не сдавался Федор.

— Вот так и объяснили, — Ратибор усмехнулся, — и тут же все поверили. И вопросов не задавали: что за отряд, куда он потом делся, почему его больше никто окрест не видел, почему никаких деревень и сел не тронули. Появился, убил царя и всю его семью и исчез.

Вот только поверили не все. Не поверили в это сторонники царя Василия, которые тогда вокруг Китеж-града стали собираться, и не поверил воевода Кощей.

— Недоверие иголкой не пришьешь и на стол в споре не выложишь, — проворчал Кощей, кивая.

— Вот тогда князья и воскликнули: без царя нам нельзя, кого же теперь в цари? Кто-то предложил Финиста — Ясного Сокола, и все согласились.

— Если бы кого-то из князей назвали, передрались бы между собой, — добавил Кощей, — а Финист — он вроде как

сам по себе, и всем друг, и никому. Для всех одинаково удобен оказался.

— Тогда Китеж и спрятался, — продолжил Ратибор, — не по нраву нам было то, что князья на Руси учинить хотели. А хотели они каждый в своем княжестве царем быть, а Финиста только для виду поставить. Так и до развала недалеко.

— Спрятались они, герои, — проворчал Кощей, — а я вот ни от кого не прятался, я за Русь сражался до конца.

— Верно, — опять легко согласился Ратибор, — когда князья между собой все споры утрясли, под руку Финиста все княжеские дружины встали. Великую степь надо было наказать. И если во времена вторжения Тугарина каждый князь на себя одеяло тянул, стараясь, чтобы другие пострадали больше, а самому отделаться легче, тут все едины были. Так что ответный удар по Великой степи оказался успешен. Единение всех князей, объединяющая всех фигура Финиста — Ясного Сокола, полководческий талант Кощея, ну и конечно же то, что к тому времени Тугарин Змей умер — все это дало результат.

— Показуху, — отрезал Кощей, — показуху, а не результат.

— Тут даже я не знаю всего, — признался Ратибор, — расскажи, воевода.

— Степь надо было наказать, — отрезал Кощей, — чтобы мыслей больше не возникало в их кочевнических головах, что можно с саблей и огнем на Русь ходить. И что делает наш Финист — Ясный Сокол? Громит несколько пограничных племен мелких, красуется вдоль границы Степи и уходит. А степняки как раз войско собрали, чтобы Финиста покарать.

Победить-то мы победили, да только проку с того — чуть. Надо было основное войско побеждать. А там непросто все, там еще Тугариновы ветераны были. Конечно, сеча жестокая бы вышла, однако уверен я, что одолели бы мы их. А Финист и князья взяли и ушли, бросив меня держать границу с одним полком, куда всех верных мне людей собрали. На смерть оставили.

— Нам сказали, что ты предал войско и переметнулся к нечисти, — угрюмо произнес Федор.

— Нечисть потом уже появилась.

— Вот про это я тоже совсем ничего не знаю, — признался Ратибор, — не расскажешь ли нам, воевода, откуда нечисть появилась?

— Да чего рассказывать, — неохотно продолжил Кощей, потирая свой лысый череп, — бросили меня с полком одним, а на нас вся мощь Великой степи прет. Ну, говорю, друзья мои, придется нам за Русь жизни отдать, будем насмерть биться храбро, скольких сможем — положим. В полку грусть, помирать никому не охота, но никто не сбежал, ни один. Заняли холмик удобный, стоим и ждем. Тут является этот Вий и заявляет: мол, готов в мое подчинение нечисти отдать тьму целую, чтобы мы от степняков отбились. А взамен, когда я эту землю удержу, так чтобы в северный лес не совался. А я что, я в этот северный лес и так не совался, да и не собирался, чего я там забыл — буреломы да болота, селений людских там нет. Ну и нечисть в бой гнать даже лучше, поубивают — так и не жалко. Так что я согласился.

— Негоже с врагами рода людского в сделки вступать, — осуждающе проворчал Федор.

— А я вот считаю, что не дело — родную землю бросать на разграбление врагу, — возразил Кощей, — а я степняков удержал тогда. И ваши крестьяне не выли от боли, когда их сабли степняков потрошили, и живут сейчас, не тужат, а не в земле лежат или в рабстве в дальних краях бедуют. И все потому, что на защите оказался несимпатичный Кощей, а не какой-нибудь красивый и желающий остаться чистеньким витязь.

Кощей с Федором снова вскочили с мест, но Дмитрий жестами попросил их снова успокоиться. Ратибор чуть было не пропустил эту стычку, потому что выглядел задумчивым.

— Надо бы в этот северный лес сбежать, поглядеть, что там такое Вий спрятать хочет. Это может чем-то важным оказаться.

— Осторожней, — предупредил Кощей, — там немало вурдалаков во главе с Идолицем Поганым и сам Вий.

— Сапоги-сороходы, шапка-невидимка и кое-что еще; меня поймать непросто.

— Враг оттуда не ударит, Золотой петушок молчал.

— Золотой петушок — у вас? — опешил Ратибор.

— Теперь — у них, — кивнул воевода угрюмо на сидящих напротив него берендеев, — если не переплавили.

— Как можно, — ахнул Ратибор, — это же бесценное сокровище, залог победы для умелого стратега. Мы используем Гамаюнов, но их пророчества бывают зачастую туманны.

— Нет его у нас больше, — развел руками Дмитрий, — отправил в Шамаханское царство, в обмен на припасы и копьё из звездного металла.

— Проклятье, — выругался Кощей, не в силах сдержать досаду.

— Это очень грустная новость, — признал Ратибор, — с Золотым петушком все было бы гораздо проще.

— Да что это за петушок такой, — удивился Федор, — всем-то он нужен...

— Золотой петушок — это волшебный предмет, — пояснил Ратибор, — один из весьма немногих, что дошли до нас из глубины веков. Большинство волшебных предметов, что у всех на слуху, создала Марья Искусница. И шапку-невидимку сшила, и сапоги-сороходы стачала, и ковер-самолет соткала она же. Мечи-кладенцы, по преданию, сковал сам Сварог, еще в те времена, когда он появлялся на земле. А вот Золотой петушок — он очень старый, даже Святогор и Марья Искусница не знают, откуда он взялся и кто его создал. Работает же он надежно, как кузнечный молот, — всегда верно показывает, откуда идет враг и какой силой. Обладателя Золотого петушка нельзя застать врасплох, тот никогда не ошибается.

— Ценная вещица, — согласился Федор, — однако и копьё из звездного металла — оружие не рядовое.

— Предметов оружия из звездного металла насчитывается десятка два, — не согласился Ратибор, — Золотой петушок же — уникален.

— Все равно это честная сделка, — резюмировал Дмитрий, — в ней не только копьё и припасы получены, но и доброе отношение Шамаханского царства к нам. Даже если бы

я его не послал уже, то все равно отправил бы позже, согласно уговору.

— Потеря столь ценного предмета, конечно, неприятна, — Ратибор выглядел озабоченным, — но меня больше пугает, откуда в Шамаханском царстве узнали о Золотом петушке и — что гораздо важнее — зачем он им сейчас понадобился.

— А не песчаную ли армию они собираются поднять? — Кощей снов задумчиво погладил свою лысую макушку.

— Песчаная армия — это восточные сказки.

— Сапоги-скороходы — тоже сказка, и Змей Горыныч — сказка, — отрезал Кощей, — у нас тут кругом сказки, мы живем в них. Не удивлюсь, если через сто лет и я, Кощей, буду сказкой.

— Пожалуй, этому стоит уделить внимание, — согласился Ратибор, — у нас в Китеже богатая библиотека, поищем.

— Это все очень неожиданно, — задумчиво произнес Дмитрий, — наше возвращение домой оказалось вообще не таким, как мы предполагали. Слишком многое предстает в другом свете, нужно с войском посоветоваться. Мы все вместе решения принимаем. К вечеру дадим ответ.

Варколаки закопали яму перед мостом и расчистили тайные выходы, не дожидаясь ответа от берендеев. Судя по всему, этот жест был оценен по достоинству: уже вечером ворота поднялись и на мост выехал царь Берендей Седьмой. Навстречу ему вышли Кощей и Ратибор.

— Войско согласилось, — просто ответил Дмитрий.

— Мудрое решение, — кивнул Кощей.

— Я тут, пока вы думали, сбегал в северный лес, — Ратибор выглядел озадаченным, — так нет там никого — ни Вия, ни упырей, ни Идолица. Одна яма огромная и мертвые тела повсюду.

— Значит, выкопали уже, что хотели, — высказался Кощей.

— Может быть, металл какой редкий искали или клад?

— Кажется, я догадываюсь, — нахмурился Ратибор, — ЧТО они могли там выкопать. И мне это ОЧЕНЬ не нравится.

Глава 5

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ БОГ

Воин из передового отряда явно чувствовал себя неловко: он в десятый раз проверял тетиву лука, было видно, что он просто не знает, куда деть руки. В глаза вождям он старался не смотреть.

— Так он такой... черный весь. Стоит. Говорит, батыр явился. Из пророчества.

— Ты чего несешь! — взъярился Шараган; он указал пальцем на одетого в черный доспех вождя Джучи, — вот батыр из пророчества.

— Чем больше батыров из пророчества, тем крепче вера, — съязвил Жангир, что держался неподалеку.

— Ты бы лучше помолчал, — грубо оборвал его Джучи, — мы тебе пока еще не верим. Не сыну Картауса рот свой открывать. Докажи вначале, что полезен.

— Будет бой — докажем, — пожал плечами темник, — а батыров считать вы и без меня сможете. Чай, до двух-то считать обучены?

— Мы в таких вопросах до одного считаем, — грозно ответил ему Джучи, угрожающе кладя руку на саблю, — а несогласных мы делим. Не как греки учат, а по-нашему, по-степному: на голову несогласную и на несогласное туловище.

Жангир усмехнулся в усы, но промолчал.

— Надо съездить и посмотреть, кто там нарисовался на нашей дороге, — посоветовал Шараган; шаман выглядел обеспокоенным. Джучи же, наоборот, являл собой полную невозмутимость и уверенность, он наслаждался ролью Черного батыра, воплощенного духа Степи. За последнее время войско псоглавцев многократно увеличилось в размерах. Вырезанное до последнего человека племя Молочного Жеребца оказало на Великую степь серьезное воздействие. Но тотчас проявилась очередная особенность, присущая только степнякам. Те племена, что собирались взять сторону Картауса, просто откочевывали в его владения, а те, кто собирался пополнить ряды бунтарей, кочевали от его земель.

Общая сила войска составляла уже около двух туменов,

даже три, если добавить воинов перешедшего неожиданно на сторону псоглавцев темника Жангира. Жангиру и его воинам пока не доверяли, и они шли на расстоянии от основного войска, чтобы исключить возможность их неожиданного удара. Джучи выделил сильные отряды прикрытия. Бывшие воины Картауса вели себя спокойно и всячески демонстрировали свою покорность, но вождь все равно до конца им не доверял. Лазутчики и доброхоты доносили, что в рядах войска хана Картауса царит замешательство и растерянность, лишь три тумена стояли возле столицы и не пытались как-то помешать или остановить поход Черного батыра. Шараган, сотники и тысячники призывали идти на Картауса и взять всю власть разом, однако Джучи пока осторожничал.

Вождь и его приближенные скакали вдоль бесконечной вереницы войск, каждый кочевник радостно приветствовал Черного батыра. Темные латы и белые черепа на них давно стали известны в войске, Черный батыр славился своим яростным нравом, но почитался за справедливость и разумность. Джучи подъехал к толпе, окружившей кого-то, и воины расступились перед вождем. Несколько самых сильных воинов, что составляли его окружение, оттеснили толпу, давая проход своим вожакам. На небольшом камне сидела фигура в черных доспехах и опиралась на огромный двуручный меч, тоже черного как уголь цвета. У Шарагана кольхнулись очень нехорошие предчувствия, он сразу узнал фигуру из своих снов, но постарался не подать виду. Джучи тоже нахмурился, он хотел задать странному незнакомцу вопрос, но тот его опередил:

— Это ты самозванец, что назвался моим именем?

— Ты как с вождем разговариваешь, пес! — рявкнул на него рослый охранник; он был силен, но слишком туп, чтобы почувствовать силу в сидящем на камне незнакомце. — Перед тобой — Черный батыр!

— Это он-то батыр? — усмехнулся человек в черных доспехах и, без видимого усилия подхватив рукой свой огромный меч, разрубил охранника надвое. — Пусть поднимет этот меч, если батыр.

— Ты убил моего человека, — Джучи даже не взглянул на

меч, он смотрел прямо на фигуру в черной броне, в ярости своей вождь был просто прекрасен, глаза его сверкали, а ноздри беспокойно раздувались в такт дыханию, — ты умрешь.

Фигура зловеще усмехнулась и демонстративно положила руку на клинок, воины беспокойно переминались с ноги на ногу, глядя на разрубленного пополам охранника вождя. Шараган понял, что воины заколебались, и было от чего, именно в такие моменты и определяется очень многое. Джучи поступил абсолютно правильно, не приняв игры незнакомца и сразу поставив все на противостояние, но этого было недостаточно, и сейчас судьба всего их похода повисла на волоске. Все зависело от каждого воина: окажется ли сейчас достаточное количество людей, готовых умереть за своего вождя. Не они одни узнали доспехи из снов и черную фигуру. Ну же, Шараган по прозвищу Хитроумный: твой выход.

— Сколько месяцев кобыла носит жеребенка?

Все лица повернулись к шаману, задавшему неожиданный вопрос. Человек в черном опешил.

— Что? Какая разница?

— Ты назвал себя батыром, — голос шамана окреп, он понял, что нащупал правильную линию поведения, — ты хочешь вести за собой воинов Великой степи; ответь, сколько может проехать воин за неделю, не меняя коней?

Толпа вокруг одобрительно загудела. Степняки смотрели с прищуром на незнакомца, первый страх и замешательство уходили, уступая место разумному недоверию. Джучи был свой, степняк до мозга костей. Он понимал свой народ; а это что за непонятное такое существо образовалось?..

— Сколько корма надо сотне лошадей на трехдневный поход? — подал голос сотник Мансур.

— Какой запас стрел брать в летний поход?

— Сколько дней пути конному войску до Шамаханского царства?

Вопросы сыпались со всех сторон, незнакомец поднялся с камня и выпрямился во весь рост. Фигура у него была крупная, и сила в нем ощущалась немалая, это многие понимали. Вот только степной воин так устроен, что не боится он

сильных одиночек. Чай, не один год в набеги на Русь ходили и богатырей не раз побеждали.

— Мне показалось, тут кто-то не понял своего места, — грозно произнес хозяин черного меча, но его уже никто не слушал.

— Бей самозванца! — гаркнул Джучи и благоразумно отошел назад, воины же с диким криком устремились вперед; огромный меч описал дугу, легко рассекая тела, но это никого не остановило.

— Нет, ты смотри, смотри. — Шараган поворошил прутом куски черного мяса, отделяя их друг от друга; куски медленно сползались вместе, пытаясь собраться воедино.

Джучи посмотрел на странное мясо, еще недавно бывшее Черным батыром, или самозванным Черным батыром, теперь уж и не разобрать.

— А жечь пробовали?

— Сейчас покажу, — шаман ткнул в сползающиеся куски мяса факелом, мясо зашкварчало, и вокруг запахло паленым, однако стоило убрать факел — и прожаренная до углей корка отвалилась. Куски мяса снова начали сползаться.

— А если мелко-мелко порубить и с песком перемешать?

— Будет то же. Один наш десятник додумался грифам скормить и в разные стороны их разогнать, так они вернулись, выкашляли мясо назад в одном месте.

— А если людям в сумки положить и погнать в разные стороны?

— Вот тут самое интересное начинается: скачут вроде все в разные стороны, а возвращаются неизменно сюда.

— Да что это вообще такое было? — выдохнул Джучи шумно. Он угрюмо бросил взгляд на большой курган, где вчера похоронили воинов, павших в бою с самозванным батыром. Батыр не смог бы убить несколько тысяч воинов, даже богатыри вроде Святогора или Ильи Муромца предпочитали не связываться в открытом поле с более чем тысячей сабель. Говорили, что Святогор одолел кешик Тугарина, но это в горах, там можно и засады делать, и обвалы, и многое другое. Да и то, эта победа была под большим вопросом: никто ее не видел, что и как там было — до сих пор неиз-

вестно. Батыры же и против сотни воинов не тянули, десятков еще могли разогнать, ну два. Незнакомец вступил в бой в открытой степи, против всего войска сразу, полагаясь на свой огромный меч и немалую силу. Первое время ему удавалось отбиваться, и не одна сотня воинов пала под его ударами, прежде чем степняки смогли его одолеть. Тактика, отработанная на богатырях, принесла свои плоды. Пытаться достать богатыря в ближнем бою слишком сложно, но опутать его возможно. Сети, арканы, хлысты и кнуты — все идет в ход. Трижды черный меч разрывал все пути и рубил рискнувших подойти, но на четвертый раз не вышло. Воинов похоронили с почестями, а вот что делать со странным наглцом, было неясно. Он снова и снова собирался воедино, приходилось силой оттаскивать куски мяса один от другого. Сжечь не выходило, разнести тоже. С таким кочевники сталкивались впервые. Ходили слухи, что Святогор как-то умудрился отрастить откушенное одним батыром ухо, этой истории было уже лет пятьсот, и возможно, она и вовсе была байкой.

— Вот же нечисть какая! — сплюнул на песок один из тысячников.

— Думал, что дети Степи за ним слепо пойдут, — поддержал его шаман, — не на тех напал.

— Но делать с ним что-то нужно, — задумчиво произнес Джучи, — он сильнее Святогора оказался; кто же знал, что такие существа вообще бывают?

— А как насчет Пасти дэва? — раздался сзади голос Жангира.

Пастью дэва называли огромный провал, что образовался в скале. Глубину его никто точно не знал, свет до дна не доставал. Крики тех, кого туда бросали, затихали где-то в глубине, и очень не скоро.

— А и правда, — согласился Шараган, — пускай там, на дне, собирается.

— Он ведь рано или поздно соберется и вылезет, — заметил тысячник Айнур, — а такой отомстить захочет.

— Это точно. — Шаман вспомнил, как побеждали черного гиганта: пробить доспехи не получилось, и пришлось все

тело крюками вытаскивать по кускам через отверстие для головы. Связанный гигант орал от боли и сыпал проклятиями, пока его голову не порубили в мелкие ошметки.

— Песочку ему сверху накидаем, с несколько дворцов вышиной, быстро не вылезет. А когда откопается, мы уж далеко будем. А надо будет, так и снова уьем.

Уже пятый день десятки тысяч степняков кидали песок и камни в Пасть дэва; звук падающих камней затихал в глубине, увидеть какой-то результат своих усилий было невозможно, но степняки не останавливались. Никому из них не хотелось снова сражаться с этим непонятым существом. Броню и меч пришлось бросить на месте боя: десяток самых сильных людей не смогли поднять даже перчатку, не говоря уже о мече. Лишь засыпали песком, чтобы трудней было найти.

— Думаю я, уже хватит, — с сомнением посмотрел на ущелье Шараган, — а то вдруг эта дыра всю землю насквозь пронзает...

— И что там, с другой стороны?

— А я откуда знаю? — удивился шаман. — Может, там как раз вон такие живут. — Он указал на ущелье.

— Давай еще неделю, — нахмурился Джучи, — для верности. К нам сюда подходят окрестные племена. Как соберем всех, так и на Картауса пойдем, уже пора. Воинов бой с чудой этой только сплотил, войско хочет битвы.

— С Картаусом сложнее будет, — засомневался Шараган, — чую я, ловушку он нам готовит. Не из тех он, кто так просто власть отдаст.

— Заберем и не спросим, — отрезал Джучи, — ты же чувствуешь, старый друг: сама Степь за нас. С высоких небесных пастбищ на нас духи предков смотрят одобрительно. Сам Тугарин сейчас от счастья плачет — я в это точно верю.

— А ведь еще недавно одно маленькое племя у нас было, — усмехнулся Шараган, — иначе чем помощью предков и не объяснить.

Войско степняков ушло на десятый день. Пасть дэва все так же казалась бездонной, а вот камней и песка окрест уба-

вилось прилично. На закате из-за скалы появился огромный мерзкий и сгорбленный старик. Он опечаленно посмотрел на провал:

— Ничего, хозяин, Вий достанет, Вий откопает.

Глава 6 ВОЛКА НОГИ КОРМЯТ

— Да куда же ты делся, проклятый, — взвыл про себя Серый Волк, — ну, заяц, ну, погоди!

Он явно ощущал носом запах зайца, но тот замыкался в кольцо, как будто добыча бегала по кругу. Заяц усиленно петлял, и Серый Волк его снова потерял. Кто бы мог подумать, что ловить зайцев — такая непростая задача? Он уже достаточно сносно научился бегать на четырех лапах, тело волка помнило движения, а вот с охотой не ладилось, тут надо думать, и думать как волк. Зайцев он уже просто ненавидел: вроде ничего сложного, идешь следом по запаху, а потом бах — и круг. А сам заяц отпрыгнул куда-то вдаль, и не понять, в какую сторону. В животе уже громко урчало.

Утром он встретил оленя, но тот выставил угрожающе рога вперед, пришлось, поджав хвост, позорно бежать. Голод снова дал о себе знать урчанием в пустом животе. Волк с сомнением посмотрел на ягодный куст. Он знал, что это волчьи ягоды и что они ядовитые. Возможно ли, что они потому и называются волчьи, что их волки могут есть? Увы, разум подсказывал, что ягоды просто назвали в честь волков: такая же, мол, напасть. Интересно, получится ли попросить еду у людей? Можно же как-то показать, что ты разумен: например, слово какое-нибудь лапой написать. Снова разум подсказал, что в деревне просто может не оказаться никого, знающего грамоту. Скорее всего, не окажется, зачем крестьянину знать письмо? А в город не попасть, через стену не перелезешь, через ворота не пустят. Вывести отец вывел, а обратно теперь никак.

«Лягушек ловить проще, — осенила Волка мысль, — лягушку даже неповоротливый человек может поймать, а лесной хищник и подавно». Волк направился к пруду, где они в

детстве с Иваном ловили лягушек. Он знал, что квакушки находятся где-то вокруг пруда, однако ни одна не попадалась ему на глаза. Нос тут тоже был не помощник, пахло только тиной да застоявшейся водой. Это тебе не заяц в поле, чей запах хорошо различим. Волк мысленно послал волну проклятий зайцу и всему его подлому племени. Лягушек надо было искать глазами, а глаза у волка видят не совсем так, как у человека. Медленными шагами он обходил пруд и наконец был вознагражден. Толстая жаба сидела на кувшинке у самой кромки берега. Волк медленно подкрался к ней и прыгнул. Прыжок получился неловким, но жаба тоже расторопностью не отличалась, и челюсти сомкнулись на ней. Волк, внутренне сжавшись, проглотил жабу, даже не прожевав ее толком. Какая же это была гадость, словами не передать... Он скривил морду и даже кашлянул, и тут сзади раздалось громкое фырканье. Резко обернувшись, он увидел другого волка, наблюдающего за его охотой на жабу из-за дерева. Это волчица, а не волк, тут же подсказал нос, причем молодая. Ее шерсть была не такая, как у него, она отливала каким-то рыжим оттенком: не ярко-рыжим, какой бывает у лис, а серо-рыжим, волчьим. Судя по ее взгляду, ловля жаб не почиталась среди волков достойным занятием, и, изведав вкус жабы, волк понимал почему.

Серый попытался улыбнуться, но вышел только оскал. Рыжая волчица снова фыркнула, как показалось — не зло, а весело. Ее, похоже, веселил попавший в беду собрат. Волк не знал, что ему делать: пытаться ловить жаб под пристальным взглядом волчицы ему было неловко, да и вкус их был слишком неприятен. Как общаться с другими волками, он не имел ни малейшего представления, да и была ли у них вообще речь? Волчица тем временем снова фыркнула и скрылась в лесу. Волк даже немного расстроился, ему было очень странно жить в зверином теле, не хватало никого, с кем можно было поделиться своими бедами и поговорить. Он даже озорной волчице был рад: пусть и фыркала презрительно, но все равно — какое-никакое, а общество.

Взгляд его снова упал на пруд. Ну нет, не сегодня точно, лягушки теперь — только если уж совсем помирать с голоду будет... Угрюмо переставляя лапами, он брел от пруда. Воз-

ле трухлявого пня на опушке росли грибы. Волки вообще едят грибы? И если едят, то вот эти грибы — они съедобные? Серый неплохо знал грибы, сколько лукошек собрал в детстве и юности, но, глядя волчьими, а не человеческими глазами, он не мог их опознать. Живот снова заурчал, и голод подтолкнул на риск, Серый схватил зубами гриб и принялся жевать. Небо и язык обожгло, и Волк тут же выплюнул гриб, кашляя и плюясь; он стоял над пнем, и его слегка мутило. Грибы оказались явно не те. Сзади раздался уже знакомый фырк. Волк угрюмо обернулся и снова увидел ушмшливую мордочку рыжей волчицы.

«Нравится смотреть на мои мучения? — мысленно спросил ее волк. — Ну давай, фыркай. Сам знаю, что неуклюжий в волчьем теле».

Волчица опустила морду в траву и поднялась, уже сжимая в зубах половину зайца. Волк насторожился, при виде зайца у него потекли слюнки. Интересно: это она так издевается над ним или делится едой? Волчица снова озорно фыркнула и отошла в сторону, как бы приглашая. Серый медленно приблизился к предложенной еде, не решаясь притронуться. Волчица широко раскрыла пасть и, высунув алый язык, медленно задышала; когда он впился зубами в заячью тушку, она снова фыркнула. Серый Волк испытывал какое-то мстительное удовольствие, поедая зайца, пусть даже поймал его и не он. Будучи человеком, он не смог бы есть сырое мясо, но в волчьем теле это оказалось совсем не противно, как он ожидал. Ну и со вкусом лягушки не сравнить. Любительница посмеяться над несчастным бедолагой дождалась окончания трапезы и, махнув хвостом, пошла в лес. Волк медленно поплелся за ней; все равно идти куда-то надо, сам он охотиться не умеет. Может, новая спутница научит разным волчьим премудростям.

Серый Волк с интересом разглядывал своих новых собратьев. На небольшой полянке, куда его привела рыжая плутовка, расположилась небольшая стая. Пять маленьких волчат возились возле пня, рядом лежала, судя по всему, их мать, одним глазом она рассматривала его пристально и внимательно, второй был прикрыт. Несколько молодых